

УДК 81' 371

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.24>С. В. Гусаренко
И. А. Орден

ПРЕДИКАТ КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОГО ФРЕЙМА

В приведенной статье исследуются теоретические основания, позволяющие рассматривать предикат как главный организующий семантический элемент семантико-синтаксического фрейма. В ходе исследования определен ряд закономерностей функционирования предикатов в рамках фреймов. Предикат следует рассматривать и как структурно-семантический центр предложения, и как структурообразующий элемент семантико-синтаксического фрейма. Также в статье дается обоснование целесообразности использования термина «ядерный предикат» по отношению к наиболее значимым компонентам первого уровня терминалов, в которых в общем виде описываются основные события, состояния, действия семантико-синтаксического фрейма. Ядерный предикат включен в макропропозицию или ядерную пропозицию, в которых в общем виде описываются основные события, состояния, действия семантико-синтаксического фрейма.

Данное исследование в области ядерных предикатов позволит восполнить представления о семантике фреймов как структурно-семантического основания художественного нарратива.

В рамках исследования мы установили, что ядерный предикат является организующим семантическим центром фрейма в его семантико-синтаксическом представ-

лении. Он входит в состав ядерной пропозиции фрейма или макропропозиции и занимает верхний узел (терминал) фрейма. Ядерный предикат в своей семантике содержит структурное описание фрейма на уровне верхних его терминалов, поскольку обладает стандартным набором валентностей, каждая из которых может рассматриваться в качестве слота в определенном терминале фрейма.

Для достижения максимальной полноты описания семантики ядерных предикатов целесообразно проводить его на основе их представления в семантико-синтаксическом фрейме в нарративе. Перспективной видится идея составления словарей фреймов с опорой в том числе и на их ядерные предикаты, поскольку именно предикаты выступают естественным элементом фрейма, связывающим воедино все его структурно-семантические составляющие.

Ключевые слова: фрейм, ядерный предикат, семантико-синтаксическая классификация, пропозиция, терминал.

Для цитирования: Гусаренко С. В., Орден И. А. Предикат как структурообразующий и функционально-семантический компонент семантико-синтаксического фрейма // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 193–200. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.24

Sergei V. Gusarenko
Irina A. Orden

PREDICATE AS A STRUCTURE-FORMING AND FUNCTIONAL-SEMANTIC COMPONENT OF A SEMANTIC-SYNTACTIC FRAME

The article actualizes the theoretical foundations that allow us to consider the predicate as the main organizing semantic element of the semantic-syntactic frame, reviews the features of the functioning of predicates within frames. The predicate should be considered both as the structural and semantic center of the sentence, and as a structure-forming element of the semantic-syntactic frame. The article also provides a rationale for the usage of the term nuclear predicate in relation to the most multi-valued components of the first level of terminals, in which the main events, states, actions of the semantic-syntactic frame are described in a general way. The nuclear predicate is included in a macro-proposition or nuclear proposition, in which the main events, states, and actions of the semantic-syntactic frame are described in a general way.

The study of nuclear predicates is intended to supplement the understanding of the semantics of frames as the structural and semantic basis of the literary narrative.

As a part of the study, we had found that the nuclear predicate is the organizing semantic center of the frame in its semantic-syntactic representation. It is a part of the nuclear

frame proposition or macro proposition and occupies the upper node (terminal) of the frame. The nuclear predicate in its semantics contains a structural description of the frame at the level of its upper terminals, since it has a standard set of valences, each of which can be considered as a slot in a certain terminal of the frame.

To achieve the maximum completeness of the description of the semantics of nuclear predicates, it is advisable to conduct it on the basis of their representation in a semantic-syntactic frame in the narrative. The idea of compiling dictionaries of frames based, among other things, on their nuclear predicates seems promising, since it is predicates that act as a natural element of the frame, linking together all its structural and semantic components.

Key words: frame, nuclear predicate, semantic-syntactic classification, proposition, terminal.

For citation: Gusarenko S. V., Orden I. A. Predicate as a structure-forming and functional-semantic component of a semantic-syntactic frame // Humanities and law research. 2021. No.4. P.193–200. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.24

Цель данной работы состоит в том, чтобы определить теоретические основания, на которых предикат может рассматриваться как главный организующий семантический элемент семантико-синтаксического фрейма. При этом мы будем исходить из того, что семантико-синтаксический фрейм как строевой элемент семантики текста имеет пропозициональную природу [13].

Сразу отметим, что пропозиция, как правило, представляется в соотнесенности с предикатами пропозициональной установки [19, с. 8]. Пропозиция отображает факт действительности, преломленный через призму видения говорящего/пишущего и адресата, с той мерой достоверности, с которой они ее себе представляют [8, с. 161]. Е. В. Падучева в работе «Высказывание и его соотнесенность с действительностью» утверждает, что пропозиция – это такая семантическая структура, которая отражает факты действительности на концептуальном уровне и является результатом предикации [19, с. 13], то есть сам факт формирования пропозиции как строевого элемента высказывания связан с лингвистической предикацией. Поэтому традиционно в структуру пропозиции включают следующие компоненты:

- термы (имен), которые отображают предметы, лица, явления, то есть определенные сущности;
- предикаты, которые отображают свойства этих сущностей и отношения между ними [23, с. 602-603].

За предикатом сохраняется главная роль в структуре пропозиции, так как предикат указывает на отношения между сущностями (термами). Предикат – это часть суждения, которую содержит высказывание [37, с. 125]. Именно в нем актуализируется результат суждения, то есть предикат в общем смысле – это важнейшая часть суждения, его значимая часть, высказанная (заклученная) о каком-либо субъекте.

Именно из пропозиционального понимания предиката «как функции от множества переменных» [22, с. 71] вытекает признание за ним главной роли в структуре пропозиции. Это суждение находит последовательное обоснование в работах Ш. Балли [31], Л. Теньера [27], Ч. Филлмора [28, с. 369-493].

Существенное замечание о связи семантико-синтаксического фрейма и пропозиции делает Солодилова И.А., когда утверждает, что «актуализированный сознанием фрейм соответствует референциальному содержанию пропозиции, а то, что составляет содержание предикации, структурно совпадает с величинами, обозначаемыми в модели Ч. Филлмора как «величины по умолчанию» [25, с. 16].

Сказанное позволяет сделать вывод, что предикат следует рассматривать и как структурно-семантический центр предложения, и как структуро-

образующий элемент семантико-синтаксического фрейма. При этом семантические отношения между аргументами и предикатом целесообразно выражать в терминах, соотносимых с понятием глубинного падежа по Ч. Филлмору [28, с. 405].

Основы семантической классификации предикатов были заложены Ю. С. Масловым и З. Вендлером еще в середине прошлого века [16]. Советский и американский профессора независимо друг от друга утвердили связь глагола с его лексическим значением. Оба лингвиста создали лексико-семантические классификации глаголов, которые позднее сравнивали советские лингвисты Ю. Д. Апресян [2] и Е. В. Падучева [20].

З. Вендлер выделял 4 основных акциональных (категориальных) класса:

- стативные глаголы/states (существовать, презирать);
- глаголы деятельности/activities (гулять, завариваться);
- глаголы совершения/accomplishments (покрашивать, разрушить, открыть);
- глаголы достижения/achievements (выиграть).

Также есть еще один обычно не учитываемый дополнительный класс, включающий обобщенные глаголы деятельности (по типу руководить, управлять) [36].

Однако со временем ученые столкнулись с недостаточностью данной классификации: ее трудно было применять в рамках сравнительного языкознания, когда актуализируются различия contemporaneous систем различных языков (или их полное отсутствие).

Как мы уже говорили, классификация З. Вендлера во многом схожа с классификацией Ю.С. Маслова [16]. Ю.С. Маслов в своей классификации особенно выделял важность связи грамматической семантики русского вида и лексической семантики глагола. Формально глаголы разделены так: непарные глаголы несовершенного вида (I), непарные глаголы совершенного вида (II), видовые пары глаголов (III) [20, с. 3]. При этом Ю. С. Маслов открыл связь между принадлежностью глагола к одному из этих классов и его лексической семантикой.

Важную роль в классификации Ю.С. Маслова играют видовые пары. По его мнению, без них невозможно было бы делить глаголы на разряды: «глаголы совершенного вида и несовершенного вида образуют видовую пару, если несовершенный вид может «заменять» совершенный вид в контексте наст. исторического и в контексте многократности» (ср. чувствовать – почувствовать и любить – полюбить) [20, с. 3].

В то же время при наложении классификации З. Вендлера на почву русских глаголов возникали трудности, потому что в вендлеровские классы «попадал не глагол как целое, а видовые формы по отдельности. Сам З. Вендлер классифициро-

вал глагол как таковой (а не формы прогрессива или перфекта)» [20, с. 6]. В целом отметим, что классификация З. Вендлера строится не на семантике, а на сочетаемости, поэтому в дальнейшем вопрос акциональных классов разрабатывался и дополнялся. Ю.С. Маслов же построил классификацию на семантическом соотношении между видовыми формами глагола. Однако в рамках сопоставления классификаций становится возможным разграничение глаголов, для которых исходной является совершенная форма и глаголов, для которых исходный вид – несовершенный. Позднее труды двух ученых стали называть классификацией Маслова-Вендлера, известной также как «таксономическая» или «онтологическая» классификация [3, с. 16].

В целом в обеих классификациях, по мнению Е.В. Падучевой, выведены следующие сходства:

- непарность глаголов у одновидовых глаголов получила семантическое объяснение;
- обозначаются границы возможной процессуализации перфективов.

Однако у З. Вендлера и Ю.С. Маслова обнаруживаются следующие различия:

- внутри акциональных классов Ю.С. Маслов выводит тематические (например, сюда входят перформативы, поведенческие глаголы, глаголы положения и др.);
- Ю.С. Маслов полагает, что в семантике глаголов совершенного вида типа прожить, пожить есть количественная ограниченность протекания действия;
- З. Вендлер не предусматривает прогрессив и перфект (из-за этого в русском глаголе должна учитываться одна из видовых форм глагола) [20, с. 10].

Подводя итог, Е.В. Падучева пишет, что благодаря принятому в лексико-семантических классификациях Национального корпуса русского языка принципу фасетности (учитываются сразу нескольких классификаций, проведенных по разным основаниям), можно вывести «новые классификации (мереологическую, топологическую, аксиологическую и другие), при этом в каждой отдельной классификации сохраняется иерархичность, со всеми вытекающими из немногочисленными удобствами» [20, с. 18].

В рамках семантической классификации последовательно подтверждается, что «большинство сочетаемостных характеристик глагола привязано именно к семантическим признакам» [21, с. 128]. В основе данной классификации находится связь между значением предиката и временным развертыванием ситуации. Часть предикатов отражает лишь актуальный, эпизодический признак [10, с. 5]. Другая часть, напротив, актуализирует вневременной, устойчивый признак. В ряде предикатов временной план можно вывести только из контекста.

Еще через два года в совместной с О.Н. Ляшевской работе «Онтологические категории имен эмоций» Е.В. Падучева обозначит важную поправку относительно независимости тематической и категориальной (акциональной) классификаций: «состояния, отношения, события есть и в других тематических классах. Между тем, чувства – класс уникальный: они существуют только в тематическом классе имен эмоций» [14, с. 31].

Базируясь на исследованиях З. Вендлера и Ю.С. Маслова, проблему классификации предикатов в дальнейшем поднимали в своих работах Ю.Д. Апресян, Т.В. Булыгина, А. Бальвег-Шрамм, С. Дик, Дж. Миллер, О.Н. Селиверстова, Е.В. Падучева, Ч. Филлмор, У. Чейф и другие ученые.

Сегодня исследователи традиционно различают две классификации глагольной лексики:

Во-первых, выделяются традиционные семантические – тематические – классы [14]. Тематические классы образуют глаголы движения, речи, воли, восприятия, знания/мнения, эмоций, физического воздействия, создания, существования, звука и т. д. К примеру, семантические классы глаголов в НКРЯ – это тоже тематические классы [12].

Во-вторых, выделяют акциональные классы, являющиеся преемниками аспектуальных классов З. Вендлера [36].

Отметим, что обе классификации – тематических и акциональных классов – практически полностью независимы и самодостаточны. Состояния могут быть физическими (залегать), физиологическими (недоедать), ментальными (предполагать), эмоциональными (печалиться). Ментальный глагол, напротив, может выражать действие (решать <задачу>), деятельность (размышлять), состояние (понимать), происшествие (ошибиться) [14]. Нельзя забывать, что лексика как классификационная система является «нестрогой иерархией с многократно пересекающимися семантическими классами и подклассами» [3, с. 11].

Ю.Д. Апресян, также работавший над проблемой функциональной классификации предикатов, считает предикатами любые валентные лексемы [5, с. 7]. Его классификация лексикографически ориентирована, поэтому концептуально отличается от предыдущих классификаций. Она представляет собой «нестрогую многоуровневую иерархию с многочисленными пересечениями классов», все глаголы в ней являются «прототипическими именами действий, занятий, воздействий и процессов» [5, с. 8] и сгруппированы схоже со структурой многозначных глаголов. При этом прототипическим действием считаются «глагол, у которого в вершине ассертивной части толкования на последней ступени семантической редукции обнаруживается семантический примитив 'делать', причем время существования ситуации, называемой данным глаголом, укладывается в один раунд наблюдения» [5, с. 11 – 12].

Если у прошлых классификаций была аспектологическая ориентация (связь класса глагола с категорией вида, то классификация Ю. Д. Апресяна ориентирована «на выявление закономерных связей между семантическим классом лексических значений и всеми прочими свойствами входящих в него лексем» [5, с. 10]. То есть Ю. Д. Апресян учитывает в ней залог и наклонение глаголов, а также синтаксические, сочетаемостные и коммуникативно-просодические свойства, словообразовательные типы и многозначность.

Приведем основные классы классификации Ю.Д. Апресяна с примерами [5, с. 11]. Классы верхнего уровня:

- действия (писать);
- деятельности (торговать);
- занятия (играть);
- воздействия (размывать);
- события (встретить);
- процессы (расти);
- проявления (светить);
- положения (стоять);
- состояния (знать);
- свойства (заикаться);
- способности (говорить по-русски);
- параметры (вмещать);
- существования (бывать);
- отношения (равняться);
- оценки (превосходить);
- интерпретации (ошибаться) и т. д.

Каждый класс верхнего уровня имеет свои подклассы, например, подклассы действия – моментальные глаголы, перемещения и т.п. и Каждый из обладает семантически мотивированными общими свойствами. Кроме того, размыты границы между классами – они могут пересекаться как по вертикали, так и по горизонтали.

Говоря о грамматических свойствах классификации, нужно отметить, что категория вида у Ю.Д. Апресяна имеет три тесно связанных с идеей каузатора, а значит и между собой значения; профетическое, потенциальное и актуально-длительное, [5, с. 15] При этом последнее служит сильнейшим показателем различий между разными классами предикатов.

В русском языке у прототипических действий есть все залоговые формы. При этом наблюдается обратная пропорциональность со степенью акциональности глагола – чем менее он акционален, тем вероятнее, что у него нет ряда залоговых форм [5, с. 17]. К примеру, мы не скажем костер был видим мной (отсутствует страдательная форма несовершенного вида на –ся).

Касаемо категории наклонения Ю.Д. Апресян указывает, что чем ближе значение к стояниям, тем менее вероятность наличия у глагола формы повелительного наклонения или прототипического значения побуждения [5, с. 17-18].

Окружение предиката составляют актанты и сирконстанты (подробнее см. пункт 1.2). Ю.Д. Апресян в своей классификации разводит классы по количеству актантов: действие (до семи актантов), деятельность (обычно не больше трех актантов), занятие (один-два актанта), воздействие (два актанта), положение в пространстве (два актанта), состояние (два актанта) и т. д. [5, с. 18-19].

Хотя в современной лингвистической науке до сих пор нет единого взгляда на актанты и сирконстанты, еще раз подчеркнем, что те и другие являются значимыми участниками ситуации, при этом актанты называют предмет или лицо, а сирконстанты – обстоятельства и условия ситуации (время, место, время, причину и т. д.) [27]. Без актанта предложение чаще всего не будет законченным, в то время как без сирконстанта вполне может обойтись.

Е. В. Падучева полагает, что сирконстанты могут быть обязательными, если служат параметрами пропозиции, допустим, называют время совершения действия [19]. В то же время Ю. Д. Апресян считает, что актанты бывают факкультативными компонентами ситуации [4].

Классификации семантических типов предикатов, основанные на ролевой семантике, последовательно разрабатывали такие ученые, как Л. В. Щерба [30], У. Чейф [29], Н. С. Авилова [1], Дж. Лайонз [34], С. Дик [32], Т. В. Булыгина [6], О. Н. Селиверстова [24]. В этих классификациях основополагающая роль отводится понятию Субъекта. Именно через него происходит определение типа предиката – это происходит посредством уточнения семантических ролей других участников ситуации.

Лев Николаевич Щерба выделил типы предикатов, коррелирующие с частями речи: предикаты действия, процесса (полнозначные глаголы), состояния (связка и ряд некоторых слов – печален, жаль, в состоянии, надо); качества (связка и полное прилагательное) [30, с. 90].

Когнитолог Уоллес Чейф [29]. Он выделил следующие типы предикатов:

- состояние – субъект в них неактивен и характеризуется ролью пациента;
- процесс – субъект проявляется как пациент, о состоянии которого что-либо сообщается;
- действие – субъект является агентом, т. е. производит действие [29].

Однако у одного и того же типа предиката по У. Чейфу семантические роли субъектов могут не совпадать, следовательно, классификация У. Чейфа не является универсальной. Позднее Дж. Лайонз к трем типам предикатов добавлял такие, как «состояние», «акт», событие» [34, с. 483], а С. Дик выделял предикаты положения (нединамичные, управляемые ситуации) [32, с. 4-24].

Н. С. Авилова предложила классифицировать предикаты со значением действия; процесса; состояния; качества; нахождения в пространстве;

потенциальности; класса и «связи»; результата и факта [1, с. 151]. При этом предикаты действия и процесса противопоставлены по признаку агентивности/неагентивности субъекта, состояния и действия – статичности и нестатичности и т.д.

Т. В. Булыгина делит предикаты на две большие группы по признаку временности /локализованности [6, с. 58]. Далее предикаты подразделяются по ряду следующих признаков:

- отсутствие/наличие временной связанности (временность, постоянность /эпизодичность);
- статичность/динамичность;
- длительность/недлительность;
- временная перспектива, а именно
- перспективность/бесперспективность – для процессов;
- постепенность/непостепенность – для событий;
- контролируемость /неконтролируемость [6, с. 58].

В группах предикатов Т.В. Булыгиной значение временности получают как именные предикаты, так и ряд глагольных предикатов типа обладать, летать, любить.

Особо подчеркнем, что предикат не обязательно и далеко не всегда представлен глаголом и не сводим к узкому пониманию предиката в качестве сказуемого в рамках предложения. Кроме того, валентность свойственна различным частям речи. К примеру, семантические валентности есть и у имен родства (чей отец), и у отглагольных существительных (кем совершено воровство).

О. Н. Селиверстова выделяла предикаты действия, состояния, процесса, качества, класса и связи, нахождения в пространстве. Однако при их определении она учитывала такие критерии, как источник силы, тип силы, приложение силы (волевой, физической, звуковой и т.д.), контролируемость/неконтролируемость приложения силы, осознаваемость/неосознаваемость приложения силы [24, с. 59-65].

Как было сказано выше, фрейм соотносится с предикатом, при котором проявляются аргументы, т.е. структурные компоненты фрейма. При этом одни и те же компоненты могут принадлежать различным фреймам. Разница вытекает из «интерпретации отношений между участниками и интерпретации сценария фрейма, которые задаются предикатом» [13, с. 472-473]. Под сценарием фрейма понимается «событийная схема, которая определяет, какие люди должны участвовать в событии, какие социальные роли они играют, какие объекты используются и каковы причинные связи» [17, с. 296]. Фрейм как структура представления знаний лежит в основе сценария. Он относится к структурам данных для представления стереотипной ситуации, в то время как сценарий представляет собой набор знаний о последовательности хронологически выстроенных событий.

В созданном учеными из Беркли вышеупомянутом проекте FrameNet в каждом фрейме задан список предикатных слов и их центральные роли. В разработанной в России системе FrameBank актуализируются лексические конструкции, соединяющий друг с другом разные лексические значения предиката в рамках фреймов. Мы можем увидеть, как «лексикон предикатов русского языка накладывается на сеть фреймов и как структурные лексико-семантические отношения типа полисемии, синонимии, антонимии и т.п. отражаются в лексических конструкциях» [13, с. 465].

В рамках работы FrameBank в текстах выявляются фреймы, функционирующие в рамках естественного языка. Происходит «идентификация участников ситуаций, обозначаемых предикатами (глаголами, существительными, прилагательными и т.д.) и разметка способа их выражения – вне зависимости от того, связаны ли обозначающие участников единицы с предикатом синтаксически или нет» [13, с. 466].

Исследователи отдельно описывают предикатно-аргументные фреймовые когнитивные структуры, в рамках которых человек концептуализирует окружающий мир под углом той или иной семантической перспективы [11, с. 79-83]. Другими словами, они актуализируют отраженные посредством мыслительных структур ситуации, происходящие вокруг.

Выше мы упоминали понятие семантического падежа и отметили, что у падежного фрейма есть семантические падежи, соответствующие замещаемым позициям (валентностям). Из этого следует, что семантика фрейма сближается в том числе с семантикой предиката, когда речь идет о значениях, грамматических свойствах и замещаемых позициях. Фрейм состоит из семантического предиката и заполняющих его валентные позиции семантических аргументов. При этом модели типизированных ситуаций определяются в том числе с учетом типа семантического предиката.

Отметим, что фрейм можно описать прежде всего через слотовую характеристику – характеристику семантических падежей. «Важным является то, что понятия фрейма и семантического типа предиката как мыслительной конструкции позволяют объяснять появление контекстуальных смыслов глаголов и проблем их понимания воспринимающим, «слушающим». [15, с. 12].

Слоты в структуре фрейма выступают как «вакантные позиции, заполняемые единицами знания» [25, с. 16]. Эти единицы знания могут быть представлены:

- эксплицитными предикациями – т.е. конкретными, заданными текстом или речевой ситуацией;
- имплицитными предикациями – типичными предикациями/ предикациями «по умолчанию», которые актуализируются в памяти

адресата посредством ассоциативных связей; в них содержится большая часть значимого для понимания знания [26].

Кроме того, слоты могут пониматься как «списки релевантных вопросов, которые систематически определяют выражения, активируемые данным фреймом» [9, с. 6]. Предикаты же – это «языковые реализации концептуального содержания <этих> выражений, на их основе возможно получить доступ к когнитивным аспектам знания» [9, с. 6].

Слоты в рамках фреймовой семантики заполняются конкретными наполнителями и стандартными значениями. Незаполненные слоты (узлы по М. Минскому [18]) называются терминалами или же ячейками фрейма. По мнению М. Минского, при их заполнении становится возможным выявить возможные слоты потенциально любого фрейма [35]. Именно слоты актуализируют предикационный потенциал фрейма. Они представляются в виде организованного списка слотов. Полученная модель указывает на валентные слоты исследуемого фрейма – уменьшается выборка вопросов, они логически группируются; конкретизируются предикаты конкретного фрейма.

В лингвистическом приложении фреймы содержат структурные элементы значения (терминалы), которым соответствуют определенные языковые выражения. Отдельно отметим такой

компонент первого (верхнего) уровня терминалов фрейма, как ядерный предикат. Он включен в этом качестве в макропропозицию или ядерную пропозицию, в которых в общем виде описываются основные события, состояния, действия семантико-синтаксического фрейма. Наше понимание ядерного предиката сближается с тем, как понимает его Е.А. Воркачева, то есть как «единицу, наиболее употребительную в речи, наиболее многозначную, обладающую наибольшей синтаксической сочетаемостью, стилистически наименее маркированную и наиболее используемую при лексикографическом описании предикатов этого ряда» [7, с. 69].

Учитывая сказанное выше, мы находим подтверждение и делаем вывод, что ядерный предикат выступает в роли организующего семантического центра фрейма в его семантико-синтаксическом представлении. Ядерный предикат входит в состав ядерной пропозиции фрейма или макропропозиции и занимает, как и эти пропозиции, верхний узел (терминал) фрейма. Ядерный предикат в своей семантике содержит структурное описание фрейма на уровне верхних его терминалов, поскольку обладает стандартным набором валентностей, каждая из которых может рассматриваться в качестве слота в определенном терминале фрейма.

Литература

1. Авилова Н.С. Вид залога и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 328 с.
2. Апресян Ю.Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. С. 57 – 78.
3. Апресян Ю.Д. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005. № 1. С. 3-30.
4. Апресян Ю.Д. Семантические валентности слова // Избранные труды. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», «Восточная литература» РАН, 1995. Т.1. 472 с.
5. Апресян Ю.Д. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург. 22-24 сентября. СПб.: Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2003. С. 7 – 21.
6. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7-85.
7. Воркачева Е.А. Сама сущность или природа каждого: семантика желания и речевое употребление глагола *to wish* // Филологические науки. 2017. №3 (69). С. 68-73.
8. Гусаренко С.В. Пропозиция как компонент актуального дискурса // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. №4. С. 159-164.
9. Диденко В.В. Выявление валентных слотов фрейма толерантность в немецкой, американской и русской лингвокультурах // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 5-13.
10. Иванова Е.В. Семантическая типология предикатов в сопоставительном аспекте: предикаты «свойств» в русском и болгарском языках // Болгарская русистика. София: Общество русистов Болгарии, 2009. С. 5-17.
11. Кураков В.И. Моделирование предложения: итоги и перспективы (на материале немецкого языка) // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Филология. 1998. № 3. С. 79-83.
12. Кустова Г.И., О.Н. Ляшевская, Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, О.Ю. Шеманаева. Задачи и принципы семантической разметки лексики в Национальном корпусе русского языка // Национальный корпус русского языка. 2006-2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 215-239.
13. Ляшевская О.Н., Кашкин Е.В. Типы информации. О лексических конструкциях в системе ФреймБанк // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Инст. РЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2015. С. 464-556.
14. Ляшевская О.Н., Падучева Е.В. Онтологические категории имен эмоций // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. М.: ВИНТИ РАН, 2011. №5. С. 23-31.
15. Маррокин Л.Р. Семантические модификации предикатов в метеоинформационных текстах: на материале английского языка: автореф. дис... канд. филологических наук. Уфа, 2011. 19 с.
16. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.. М.: Наука, 1948. Т. 7. – № 4. С. 303-316.

17. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта; Наука, 2006. 296 с.
18. Минский М. Фреймы для представлений знаний / пер. с англ. М.: Энергия, 1979. 152 с.
19. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). 4-е изд. М.: Едиториал, 2004. 288 с.
20. Падучева Е.В. Лексическая аспектальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 3-20.
21. Падучева Е.В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива / Е. В. Падучева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
22. Пащенко Ю.А. Предикативность и предикат в лингвистике и логике // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2006. №2. С. 70-72.
23. Селиванова О.О. Термінологічна енциклопедія. Полтава: Доквілля- К., 2011. 844 с.
24. Селиверстова О.Н. Семантические типы предикатов в английском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86-216.
25. Солодилова И.А. Способы концептуализации оценки в немецком языке (на материале немецкоязычной художественной прозы): автореф. дисс. доктора филол. наук. Уфа, 2014. 44 с.
26. Солодилова И.А. Фрейм как семантическая модель в лингводидактическом аспекте // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всероссийской научно-методической конференции. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. С. 2121-2126.
27. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / под общ. ред. В.Г. Гака. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
28. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. Вып. 10. С. 369-495.
29. Чейф У. Значение и структура языка. М.: Наука, 1975. 432 с.
30. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.:Л.: Наука, 1974. 432 с.
31. Bally C. Linguistique generale et linguistique franfaise. – Paris: Librairie Ernest Leroux. 1932. 440 p.
32. Dik S. C. Functional Grammar. Amsterdam, etc.: North Holland Publ. CO., 1979. 230 p.
33. FrameNet. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/> (Accessed: 03.03.2021).
34. Lyons J. Semantics. – Cambridge: Cambridge Univ. Press., 1977. V. 2. P. 374-897.
35. Minsky M. The Society of Mind. – New York: Simon & Schuster, 1986. p. 308.
36. Vendler Z. Verbs and times / Z. Vendler // Linguistics in philosophy. Cornell University Press, 1967. P. 97-121.
37. Weissberg J. Theoretische Grundlagen der deutschen Grammatik. Siegen, 2003.

References

1. Avilova N.S. Vid zaloga i semantika glagol'nogo slova (Type of verb and verb word). Moscow: Nauka, 1976. 328 p. (In Russian).
2. Apresyan Yu.D. Glagoly momental'nogo deistviya i performativy v russkom yazyke (Instant verbs and performatives in Russian) // Rusistika segodnya. Yazyk: sistema i ee funktsionirovanie. Moscow: Nauka, 1988. P. 57-78. (In Russian).
3. Apresyan Yu.D. O Moskovskoi semanticheskoi shkole (About the Moscow Semantic School) // Voprosy yazykoznaniiya. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2005. № 1. P. 3-30. (In Russian).
4. Apresyan Yu.D. Semanticheskie valentnosti slova (Syntactic valences of a word) // Izbrannye trudy. Leksicheskaya semantika. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1995. Vol.1. 472 p. (In Russian).
5. Apresyan Yu.D. Fundamental'naya klassifikatsiya predikatov i sistemnaya leksikografiya (Fundamental classification of predicates and systemic lexicography) // Grammaticheskie kategorii: ierarkhii, svyazi, vzaimodeistvie. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg. 22-24 sentyabrya. St.Petersburg, 2003. (In Russian).
6. Bulygina T.V. K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke (Statics and dynamics in the semantics of the state // Semanticheskie tipy predikatov. MOSCOW: Nauka, 1982. P. 7-85. (In Russian).
7. Vorkacheva E.A. Sama sushchnost' ili priroda kazhdogo: semantika zhelaniya i rechevoe upotreblenie glagola towish (The very essence or nature of everyone: semantics of wish and the verbal use of the verb to wish) // Filologicheskie nauki. 2017. No. 3 (69). P. 68-73. (In Russian).
8. Gusarenko S.V. Propozitsiya kak komponent aktual'nogo diskursa (Proposition as a component of actual discourse) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. Stavropol': NCFU publ., 2015. P. 159-164. (In Russian).
9. Didenko V.V. Vyyavlenie valentnykh slotov freima tolerantnost' v nemetskoj, amerikanskoi i russkoi lingvokul'turakh (Revealing of potential slots of the frame tolerance (in German, American and Russian linguocultures) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. No. 414. P. 5-13. (In Russian).
10. Ivanova E.V. Semanticheskaya tipologiya predikatov v sopostavitel'nom aspekte: predikaty «svoistv» v russkom i bolgarskom yazykakh (Semantic typology of predicates in a comparative aspect: predicates of «properties» in the Russian and Bulgarian languages) // Bolgarskaya rusistika. Sofiya: Obshchestvo rusistov Bolgarii, 2009. P. 5-17. (In Russian).
11. Kurakov V.I. Modelirovanie predlozheniya: itogi i perspektivy (na materiale nemetskogo yazyka) (The specificity of the frame and propositional conceptualization of mental sphere situations by the native speakers of current German) // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2, Filologiya. 1998. No. 3. P. 79-83. (In Russian).
12. Kustova G.I., O.N. Lyashevskaya, E.V. Rakhilina, T.I. Reznikova, O.Yu. Shemanaeva. Zadachi i printsipy semanticheskoi razmetki leksi v Natsional'nom korpusе russkogo yazyka (Tasks and principles of semantic markup of vocabulary in the National Corpus of the Russian language) // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. 2006-2008. Novye rezul'taty i perspektivy. St.Petersburg, 2009. P. 215-239. (In Russian).
13. Lyashevskaya O.N., Kashkin E.V. Tipy informatsii. O leksicheskikh konstruktivakh v sisteme FreimBank (Types of information about lexical constructions in russianframebank) // Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Moscow: IRL of RAS publ., 2015. P. 464-556. (In Russian).
14. Lyashevskaya O.N., Paducheva E.V. Ontologicheskie kategorii imen emotsii (Ontological categories of emotion names) // Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Series 2: Informatsionnye protsessy i sistemy. Moscow: RAS publ., 2011. No. 5. P. 23-31. (In Russian).

15. Marrokuin L.R. Semanticheskie modifikatsii predikatov v meteoroinformatsionnykh tekstakh: na materiale angliiskogo yazyka (Semantic modifications of predicates in meteorological information texts: on the material of the English language): abstract of thesis. Ufa, 2011. – 19 p. (In Russian).
16. Maslov Yu.S. Vid i leksicheskoe znachenie glagola v sovremennom russkom literaturnom yazyke (The type and lexical meaning of the verb in the modern Russian literary language) // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz.. Moscow: Nauka, 1948. Vol. 7. No. 4. P. 303-316. (In Russian).
17. Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku (Introduction to cognitive linguistics). Moscow: Flinta; Nauka, 2006. 296 p. (In Russian).
18. Minsky M. Frejmy dlja predstavlenij znaniy (A Framework for Representing Knowledge). Moscow: Energia, 1979. 152 p. (In Russian).
19. Paducheva E.V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii) (Utterance and Its Correlation with Reality: Referential Aspects of Pronoun Semantics). Moscow: Editorial, 2004. 288 p. (In Russian).
20. Paducheva E.V. Leksicheskaya aspektual'nost' i klassifikatsiya predikatov po Maslovu-Vendleru (Lexical aspectuality and classification of predicates by Maslov-Vendler) // Voprosy yazykoznavaniya. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2009. No. 6. P. 3-20. (In Russian).
21. Paducheva E.V. Semanticheskie issledovaniya: semantika vremeni i vida v russkom yazyke; semantika narrativa (Semantic research: semantics of time and type in Russian; semantics of narrative). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2010. 480 p. (In Russian).
22. Pashchenko Yu.A. Predikativnost' i predikat v lingvistike i logike (Predictivity and predicate in linguistics and logic) // Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova. Taganrog: ACTSI, 2006. P. 70-72. (In Russian).
23. Selivanova O.O. Terminologichna entsiklopediya (Encyclopedia of Terms). Poltava: Dokvillya-K., 2011. 844 p. (In Russian).
24. Seliverstova O.N. Semanticheskie tipy predikatov v angliiskom yazyke (Semantic types of predicates in English) // Semanticheskie tipy predikatov. Moscow: Nauka, 1982. P. 86-216. (In Russian).
25. Solodilova I.A. Sposoby kontseptualizatsii otsenki v nemetskom yazyke (na materiale nemetskoyazychnoi khudozhestvennoi prozy) (Ways of conceptualizing assessment in German (based on the material of German-language fiction): abstract of thesis. Ufa, 2014. 44 p. (In Russian).
26. Solodilova I.A. Freim kak semanticheskaya model' v lingvodidakticheskom aspekte (Frame as a semantic model in the linguodidactic aspect) // Universitetskii kompleks kak regional'nyi tsentr obrazovaniya, nauki i kul'tury: materialy Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii. – Orenburg: OOO IPK «Universitet», 2013. P. 2121-2126. (In Russian).
27. Ten'ér L. Osnovy strukturnogo sintaksisa (Elements of structural syntax) / ed by V. G. Gak. Moscow: Progress, 1988. 656 p. (In Russian).
28. Fillmore C. Delo o padezhe (The Case for Case) // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Moscow: Progress, 1981. Issue. 10. P. 369-495. (In Russian).
29. Cheff U. Znachenie i struktura jazyka (Meaning and the Structure of language). Moscow: Nauka, 1975. 432 p. (In Russian).
30. Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' (Language system and speech activity). Moscow; Leningrad: Nauka, 1974. 432 p.
31. Bally C. Linguistique generale et linguistique francaise. Paris : Librairie Ernest Leroux. 1932. 440 p.
32. Dik S. C. Functional Grammar. Amsterdam, etc.: North Holland Publ. CO., 1979. 230 p.
33. FrameNet. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/> (Accessed: 03.03.2021).
34. Lyons J. Semantics. – Cambridge: Cambridge Univ. Press., 1977. V. 2. P. 374-897.
35. Minsky M. The Society of Mind. – New York: Simon & Schuster, 1986. p. 308.
36. Vendler Z. Verbs and times / Z. Vendler // Linguistics in philosophy. Cornell University Press, 1967. P. 97-121.
37. Weissberg J. Theoretische Grundlagen der deutschen Grammatik. Siegen, 2003.

Сведения об авторах

Гусаренко Сергей Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) / sgusarenko@mail.ru

Орден Ирина Алексеевна – аспирант, ассистент кафедры журналистики гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) / irina.orden@yandex.ru

Information about the authors

Gusarenko Sergei V. – Doctor in Philology Sciences, Professor, Chair of Russian as a Foreign Language, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia) / sgusarenko@mail.ru

Orden Irina A. – postgraduate, Assistant, Chair of Journalism, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia) / irina.orden@yandex.ru